DOI: 10.53737/2713-2021.2026.15.91.010

С.А. Яценко

ОБРАЗЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ИКОНОГРАФИИ ГРЕЧЕСКИХ БОЖЕСТВ У САРМАТОВ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ II—I ВВ. ДО Н.Э.*

В конце эпохи эллинизма у группировок ранних сарматов вокруг Азовского моря (сираки, в меньшей степени — аспургиане, роксоланы) мы наблюдаем попадание ограниченной по количеству и составу образов серии артефактов с греческими божествами на собственно греко-римских изделиях. Обычно они встречены на Кубани, где жили сираки и аспургиане. Это головы Гелиоса или Медузы, фигуры Ники, Афродиты с Эротом, Тритона. Кроме этого, «варварскому» переосмыслению подверглись божества и эпизоды с ними: Дионис на барсе, Афина, Аполлон с вороном, Деметра на троне, Силен и Борей. «Варварские» изделия, независимо от того, в каких центрах их производили (Боспор, оседлые «варварские» соседи сарматов, Иран, государства Центральной Азии), как и греко-римские, обычно не попадали к сарматам случайно, а являлись результатом сознательного отбора. Многие из таких образов встречены у сарматов неоднократно, хотя изображений большинства значимых греческих божеств у кочевников Восточной Европы этого времени не обнаружено. Все они имеют более или менее близкие соответствия в фольклорных образах божеств и духов в традиционной алано-осетинской религии или в религии других иранских народов.

Ключевые слова: образы греческих божеств у сарматов, аналоги в алано-осетинской религии, переосмысление греческих образов кочевниками, середина II в. до н.э. — начало I в. н.э., сарматы—сираки и аспургиане Кубани, роксоланы Северного Приазовья.

Сведения об авторе: Яценко Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет.

Контактная информация: 125993, Россия, г. Москва, Миусская пл., д. 6, Российский государственный гуманитарный университет; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

S.A. Yatsenko

IMAGES AND ELEMENTS OF ICONOGRAPHY OF GREEK DEITIES AMONG THE SARMATIANS OF THE NORTHERN BLACK SEA REGION IN THE 1st — 2nd CENTURIES BCE

At the end of the Hellenistic period, among the Early Sarmatian groups around the Sea of Azov (Siracians, and to a lesser extent Aspurgians and Roxolani), we observe the introduction of a limited series of artifacts featuring Greek deities onto Greco-Roman artifacts. These are typically found in the Kuban region, where the Siracians and Aspurgians lived. These include heads of Helios or Medusa, figures of Nike, Aphrodite with Eros, and Triton. Furthermore, deities and scenes depicting them were subject to a “barbarian” reinterpretation: Dionysus on a panther, Athena, Apollo with a raven, Demeter on a throne, Silenus, and Boreas. “The barbarian” artifacts, regardless of their production centers (Bosporus, the Sarmatians' sedentary “barbarian” neighbors, Iran, the Central Asian states), like Greco-Roman artifacts, did not usually reach the Sarmatians by chance, but were the result of deliberate selection. Many of these images were repeatedly encountered among the Sarmatians, although images of most of the significant Greek deities were not found among the nomads of Eastern Europe of this time. All of them have more or less close correspondences in the folkloric images of deities and spirits in the traditional Alanian-Ossetian religion or in the religions of other Iranian peoples.

Key words: Images of Greek deities among the Sarmatians, analogues in the Alanian-Ossetian religion, reinterpretation of Greek images by nomads, mid-2nd century BCE — early 1st century CE, Sarmatians—Siracians and Aspurgians of Kuban, Roxolani of the Northern Azov Sea Region.

* Статья поступила в номер 28 июня 2026 г.
Принята к печати 31 июля 2026 г.

© С.А. Яценко, 2026.

About the author: Yatsenko Sergey Aleksandrovich, Dr. Habil. (History), Professor, Russian State University for the Humanities.
Contact information: 125993, Russia, Moscow, 6 Miusskaya sq., Russian State University for the Humanities; e-mail: sergey_yatsenko@mail.ru.

В свое время Д.С. Раевский обратил внимание на то, что список греческих мифо-эпических персонажей, «привлекаемых» в культуре скифов (на изделиях как греческих, так и варварских мастеров) *очень ограничен*, причем каждый из них почти всегда встречен многократно. Был сделан вывод, что эта выборка античных образов у скифов была *избирательной*, как предполагал еще Б.Н. Граков (Греков 1950: 15)[1]. Их небольшой список мог ассоциироваться с конкретными божествами степного иранского мира. Более того, на деле подбор сцен с этими античными персонажами включал отнюдь не самые популярные «на родине» эпизоды их биографии и варианты иконографии. И самое главное: скифов часто не интересовало в этих случаях содержание античной мифологии (и если интересовали, то лишь функции божеств или единичные эпизоды с ними), а привлекались именно те визуальные детали сюжетов или атрибуты, которые ассоциировались с устными, фольклорными характеристиками собственных, скифских божеств и культурных героев, то есть происходила реинтерпретация (Раевский 1980: 53, 67—68). При этом важно, что как раз 6 из 7 главных скифских богов по Геродоту, которые он отождествлял с греческими (Herod., IV, 59), античного воплощения явно не получили, кроме «Геракла» / Таргитая (Раевский 2006: 453—467). Показательно, что для визуализации представлений о скифских божествах использовались образы не только и не столько важных олимпийских богов и богинь, сколько третьестепенных божеств и демонов (Горгона, менады) и героев-полубогов (Геракл)[2].

А как обстояло дело у сменивших их в Степи сарматов[3]? Применительно к группировкам последних я 30 лет назад для одного из семинаров Б.А. Раева «Античная цивилизация и варварский мир» проанализировал *список образов греко-римских божеств*, использовавшихся *в ранне- и среднесарматской культурах*, а также сравнивал их с подобным «списком» мифо-эпических персонажей у *скифов* (Яценко 1996: 19—20; 2000: 262). Был сделан вывод, что в этих сарматских культурных традициях мы тоже встречаем de facto *очень ограниченную* и своеобразную подборку образов и вариантов их иконографии. Действительно, для *«ранних сарматов» II—I вв. до н.э.* из богинь мы неоднократно видим *Афродиту и Нику*, в единичных случаях — *Афину*, а из мужских неоднократно — *Гелиоса и Эрота*, в единичных случаях — *Диониса, Аполлона и Тритона* (см. ниже). Позже, у племен *средне- и позднесарматской культур* (до середины III в. н.э.) привлекаются артефакты с обычно иными божествами — *Силен, Афина / Минерва, Эрот / Амур, Артемида / Диана* и *Дионис / Вакх*[4]. Бесполезно искать на вещах из курганов сарматской знати узнаваемые образы таких важнейших греческих богов,

---

[1] Отправной точкой для рассуждений послужил мой доклад «Образы античной мифологии в сарматских культурах» 27 ноября 2025 г. на 18-й международной конференции «Боспорский феномен» (Институт истории материальной культуры РАН, Санкт-Петербург), который был хорошо принят и антиковедами. Он, в свою очередь, являлся развитием текста статьи, поданной заранее в сборник конференции.

[2] Особым и тупиковым направлением интерпретации антропоморфных изображений ранних кочевников (к тому же реально недоказуемым) представляются повторяющиеся уже у нескольких поколений исследователей утверждения, что в многофигурных сценах знатный заказчик непременно желал изобразить *себя* или своего близкого родственника, знаменитого предка, как это нередко было у оседлых народов в Новое время.

[3] В данном случае не имеет принципиального значения, кто именно были мастера (северопонтийские греки, работавшие с варварскими заказами в боспорских городах; варварские мастера, жившие в греческих городах; мастера других центров огромного тогда иранского мира; пленники или представители собственных обедневших кочевых сородичей в ставках кочевых лидеров; люди из зависимых от сарматов или же союзных им «варварских» этносов Предкавказья, Крыма и Лесостепи). В этой статье меня интересует выбор самих сарматов — та тема, которую коллеги практически не затрагивают.

[4] Артемида неоднократно встречена в низовьях Дона на инталиях в могилах царского ранга (диадема из Хохлача, фалары из Дач: Трейстер 2021).

как Зевс, Деметра, Посейдон, Гера, Арес, Гефест, Аид и др. При этом на сегодня, по сравнению с текстами 30-летней давности, я могу увеличить число привлекаемых артефактов и персонажей. Коллегами были уточнены также датировки некоторых упоминаемых изделий.

Есть греко-римские персонажи, которые встречены только в одном из регионов сарматской Степи, причем неоднократно, и только для одной из трех эпох (ранне-, средне- или позднесарматской). Такая разница, думаю, отражает *разную значимость* божеств-аналогов у отдельных группировок и, соответственно — *разную актуальность их воплощения* в искусстве. На деле картина могла быть еще сложнее. Так, изображения одного и того же греко-римского божества, но с разной иконографией и в разных эпизодах, могли ассоциироваться с *разными* сарматскими персонажами (думается, именно такая ситуация отражена в нескольких приводимых ниже примерах). Кроме того, любое визуальное воплощение не есть «точная копия» фантазий носителей бесписьменных культур. Поэтому мне кажутся важным призывы Дж.Д. Митчела воспринимать образы не только через тексты (например, мифов и эпоса), но и через их отличие от текста, и Ю. фон Шлоссера — отличать изображение в материале от переносимого от него прообраза (Бельтинг 2005). Сегодня ясно, что античные изделия с изображениями божеств или их детали с самими изображениями по разным причинам подчас попадали к сарматам 1—2 столетия после их изготовления. Последнее не помешает в решении поставленной здесь задачи, так как нас интересует именно бытование определенных *изображений* на разных артефактах в конкретной сарматской среде.

Во II—I вв. до н.э. в плане антропоморфизации и наличия образов античных божеств явно лидируют влиятельные сираки бассейна Кубани; эта ситуация более подробно описана ниже. Много меньше изделий представлено у предполагаемых роксоланов Северного Приазовья (Янчокрак, Таганрогский клад). Позже, в среднесарматской культуре середины I — середины II вв. н.э. образы Афины, Эрота, Силена и Артемиды (два первых божества известны и ранее) концентрируются в низовьях Дона, где в это время Иосиф Флавий и Гегесипп (Ios. Flav. De bello Iud., VII, 7, 4; Heges. Bell. Iud., V, 50) локализуют могущественных аланов. В I—II вв. н.э. у разных групп сарматов были также популярны римские ойнохойи с головой Диониса на ручке[5]. Дефицит изобразительного материала подчас приводил к тому, что головы или целые фигурки античных божеств просто выламывались сарматами из импортных изделий (обычно бронзовых) и использовались вторично как амулеты и т.п.

Иными словами, в ранне- и среднесарматское время концентрация образов античных божеств или близких им по иконографии персонажей на варварских изделиях логично определяется *непосредственным соседством с Боспором* (или с независимым от него в эллинистическое время Танаисом). Интересно, что в женских могилах сираков такие образы представлены на носившихся у шеи золотых фибулах—брошах и медальонах, а у мужчин — на упряжи коня (почти всегда — на крупных нагрудных фаларах), то есть на тех «казовых» престижных аксессуарах, которыми их хозяева явно гордились (для кочевого аристократа — парадная, передняя и самая крупная часть упряжи его любимого коня[6])[7]. У нижнедонских аланов позже (во второй половине I — середине II вв. н.э.) античные образы видим у мужчин на чашах для вина и фаларах упряжи (Соколовский и Садовый курганы, Дачи и др.), у женщин — на парадных диадемах (Хохлач, Мигулинская). В целом в Северном Причерноморье такие образы известны именно в могилах сарматской знати, и во II—I вв. до н.э. они обычно сделаны из золота и серебра (а если из бронзы, то они серебрились и золотились, как ранний фалар с Никой из кургана 4 у хут. Верхний: Яценко 2000: 257). Такие изображения миниатюрны, и для рассмотрения их деталей надо было довольно долго находиться

[5] Так, в Адыгее это курганы у Хатожукаевского аула и аула Кунчукохпбль, на Правобережной Украине — курган Соколова Могила, в Донбассе — курган 2 в Чугуно-Крепинке (Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 3, 11: 4, 102, 104: 1; 109: 1).

[6] Вспомним, что и в записанных в недавние времена эпосах кочевой Степи описание главного героя во многом дается и через описание облика его коня (Липец 1984).

[7] Другие изображения с античными божествами этого времени найдены или у западных границ Боспора (Эроты на браслете в Ногайчинском кургане в Присивашье: Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 93, No. 94), либо у границ еще независимого полиса Танаис (Дионис? на упряжи из Таганрогского клада 1897 г.).

на очень близком расстоянии от кочевого аристократа, что, понятно, было возможно для немногих (Яценко 2023: 152). Образы греко-римских персонажей на геммах, использованных вторично, даже схематичные, не самой хорошей работы, вряд ли привлекались мастерами для выполнения сарматских заказов лишь случайно, как часть декора предмета. Характерным примером можно считать пару золотых полихромных нагрудных фаларов упряжи из кургана рубежа I—II вв. н.э. в Дачах на окраине Азова, изготовленные, видимо, варварскими мастерами на Боспоре (Трейстер 2021: 403—404). Здесь лишь на одном из фаларов (вероятно — правом) сделаны симметричные вставки гемм с примитивными антропоморфными персонажами (в распоряжении мастера были лишь три таких образца, и одна вставка сходной формы осталась гладкой) (рис. 1). Среди них — Артемида и Ника, неоднократно встреченные у сарматов. Позже, на рубеже II—III вв. н.э. мы видим у женщины в Валовом I в том же устье Дона два перстня со схематичными изображениями божеств, и на обоих представлена Афина в разной иконографии (Безуглов, Глебов, Парусимов 2009: 90).

Итак, для сарматов подбирались конкретные образы и сюжеты с ними на иноземных изделиях (греко-римских, изредка — из других районов иранского мира) или же модифицировалась их иконография варварскими (гораздо реже — греческими северопонтийскими) мастерами для визуализации устных, фольклорных описаний божеств. Такая визуализация происходила у разных групп сарматов и в четырех их основных археологических культурах (включая раннеаланскую в Предкавказье) весьма неравномерно. У некоторых периферийных северных группировок (вроде номадов верховьев Дона или Средней Волги) вообще не известны антропоморфные или полуантропоморфные персонажи. Я склонен думать, что дело не в большей бедности ресурсами и не в неравномерной изученности. Перед нами также — *определенные культурные предпочтения более архаичных по ментальности групп*, когда на визуализацию существовали некие *ограничения*. Ведь мы практически не знаем антропоморфных образов (чужих и своих, кроме мужской головы рядом с драконом) и для могущественных аланов Предкавказья (Яценко 2026б: рис. 1/1-2), соседствовавших на юге с тремя античными государствами, как нет их и у долго граничивших непосредственно с Римской империей язигов Венгрии. Не менее важной была *специфика контактов с конкретными оседлыми соседями*. Так, у тех сарматских объединений, которые проживали вблизи античных городов или поселений «варварских» оседлых соседей с весьма старой традицией визуализации (меоты Кубани), проблем с наличием антропоморфных образов (инокультурных и своих) не возникало. Античное влияние на сарматские антропоморфные персонажи заметно со второй половины II в. до н.э. Это совпадает с серией дальних миграций в Великой Степи в западном направлении этносов, уже отчасти знакомых с изображениями империи Хунну и античных Бактрии, Хорезма и др. Нетрудно догадаться, что и в крымской Малой Скифии со II—I вв. до н.э. подобный список изображаемых божеств в целом не совпадает с «классическим» скифским, за исключением единичной головы Горгоны и фигуры Змееногой богини в погребальном контексте (Яценко 2000: 253—262; 2014: рис. 3: 2, 5: 6—7)[8].

Немаловажно выяснить, для воплощения каких конкретных сармато-аланских божеств использовались античные образцы. Несколько лет назад мне казалось, что речь идет всего о трех божественных персонажах: о богине с Мировым древом или его волшебным листом («лист Аза» у осетин) и с дикими копытными (олени, козлы), позднейшим и очень ослабленным отражением которой стала осетинская Ацырухс, дочь Солнца (Яценко 2022: 148—151); об эквиваленте Эрота (точнее — Эротов, т.к. сарматы часто использовали сцены с несколькими подобными персонажами) в виде неких волшебных «детей», отчасти определяющих судьбу попавшего в Мир мертвых и связанных с названной богиней (Яценко 2022: 149—150) и о Солнце (осетин. Хур) (Яценко 2022: 151—152). Однако эту тему стоит развить, поскольку отождествление сарматских божеств и их частичных греко-римских аналогов с алано-осетинскими фольклором (специфические тексты сказаний-кадагов эпоса, а также ряда сказок) и осетинской традиционной религией (несмотря на ее средневековую поверхностную христианизацию) кажется весьма

[8] При этом у «классических» скифов и сарматов набор используемых образов античных божеств также почти не совпадает, кроме нечастых у скифов Силена (голова) и Афины.

перспективным. При этом можно предполагать, что древние сарматские эпические герои и основатели знаменитых кланов в основном при визуализации отличались от божеств (облик последних и в устных описаниях фантастичен и отчасти непостижим, нередко запретен для изобразительного воплощения; для них характерно обычное для древних божеств не во всем предсказуемое поведение и т.п.).

Сложным моментом является *попытка отождествления* сарматских божеств *с типологически близкими персонажами иранцев и индо-иранцев*. Думается, пантеон разных групп сарматов связан с несколькими волнами миграций небольших, но активных в военном и политическом плане групп, включавших также влиятельную аристократию, и отражает представления обитателей *восточной периферии* иранского и иранизированного мира. Соответственно, данные по божествам из Ригведы, ранней Авесты, ахеменидского искусства и т.п. нам мало что дадут. *Поздние* фольклорные тексты иранских этносов часто отражают заметное *влияние мировых религий* (и затем — литератур ряда стран) или изредка — реформируемого государством персидского зороастризма. На сегодня наиболее перспективным материалом для сопоставлений выглядит пантеон последних индоиранских язычников Гиндукуша — кафиров и калашей (Яценко 2022: 146—147, 149—150, 156, 163). Начало формирования культуры предков этих будущих групп есть основания связывать со временами поздней античности, а, например, характерные черты их костюма, как я отмечал в недавних публикациях, имеют основные аналоги именно у соседних с их родиной индо-скифов и юэчжей-кушан (Yatsenko, Kaverin 2023: 894). Конечно, с этим материалом тоже немало проблем: эти народы давно утратили подвижный и преимущественно скотоводческий образ жизни предков, переместились в суровые условия высокогорий Гиндукуша, вели многовековую борьбу с соседними мусульманами, и это должно было отразиться на их представлениях о значимости древних богов, их атрибутике и соотнесенности с конкретными сюжетами.

Рассмотрим теперь картину антропоморфизации фольклорных образов сарматских богов в ключевой период, когда сарматы стали широко расселяться в Северном Причерноморье, в конце раннесарматской эпохи. История существования крупных сарматских группировок обычно была довольно короткой из-за нестабильности климатических условий и, значит — качества пастбищ в конкретных районах Степи и связанной с ними этнополитической неустойчивостью. Это (как и нестабильность наличного состава мастеров, имевших, похоже, разное происхождение и культурные стереотипы) мешало оформлению устойчивой тенденции заказа изображений, хотя основная часть таких изделий, видимо, делалась в городах Боспора, в том числе — варварскими мастерами. Нас будут интересовать *причины возможного отбора* конкретных композиций и образов сарматскими заказчиками, получателями даров или обладателями трофеев. Ограбления подавляющего большинства могил кочевой знати, где находят подобные артефакты, не является препятствием для задуманной работы, и, думаю, оставшийся материал дает нам вполне представительную выборку.

Сираки и аспургиане (?)[9] **Кубани** (II в. до н.э. — начало I в. н.э.)

Как мы увидим, у сарматов Кубани документированы 10 образов античных божеств (как в греческом исполнении, так и в варварской их трактовке).

Только на близкой к Боспору и меотским поселениям *Кубани* в этот период мы встречаем (и неоднократно) у сарматов *по два* изображения значимых божеств в одной композиции: Гелиос и Ника (конский налобник из Дядьковской) (Беспалый 2024: илл. 200, 202) (рис. 3: 1а), Афина и

[9] Аспургиане названы Страбоном этнической группой, имеющей четкие границы проживания — между нынешними поселком Тамань и Анапой (Strabo, XI, 2, 11; XII, 3, 29); об этом же говорят авторитетные античные картографы (Ptol., V, 8, 17; Tabula Peuting., VIII. 3). Они обитали на месте более ранних синдов (Завойкин 2023: 277, 292—294), и, похоже, царь Аспург (12/13 — 37/38) получил свое имя от них, а не наоборот. Эта группа, давшая основателя новой династии, имела веками особый режим управления (Яценко 2026а: 326—327). К территории этноса аспургиан на сегодня, соответственно, можно отнести ритон из Мерджан, фалары из станицы Курчанской и, вероятно, «Тихе Хрисалиска» на закладной плите его резиденции у нынешней станицы Ахтанизовской.

Дионис (фалар упряжи из Северского) (Анфимов 1987: 188) (рис. 6: 1), Афродита и Эрот (медальон из впускного погребения в Курджипсе и фалары из Курчанской) (Анфимов 1987: 212; Десятчиков 1973: 78) (рис. 5: 1). Интересно, что в этих парах встречаются только те божества, чьи образы *неоднократно* привлекался сарматами[10]. Позже у донских аланов устья Дона к рубежу I—II вв. н.э. также видим на немногих сохранившихся от грабителей изделиях для обоих полов по три фигуры божеств (диадема из Хохлача, где были бюст Артемиды (Трейстер 2021: 390—392, рис. 4) и два Эрота (рис. 11: 3—3а)), и нагрудный фалар из Дач с геммами, включающими изображения трех богинь (Трейстер 2021: рис. 10) (рис. 1).

Гелиос

Лишь для *раннесарматской эпохи* характерны изображения *солнечных божеств*, прежде всего — ***Гелиоса***. Собственно античные изделия найдены у сираков Кубани. На медальоне из впускного погребения у хутора Элитный мы видим на медальоне его голову анфас в солнечных лучах (рис. 2: 1). На конском налобнике в Дядьковской представлена сходная голова Гелиоса (она как бы вырастает из головы Ники) (рис. 2: 2, 3: 1а). На северной границе степного сарматского мира, на фаларах из Балаклеи на Северском Донце представлена уже «варварская» переработка подобных изображений (рис. 2: 3). Здесь подчеркнуты усы и борода персонажа (которых нет в греческих аналогах), а также татуировка на щеках в виде трех параллельных полосок на каждой. Та же татуировка ранее известна и на изображении солнечного бога саков Семиречья / Жетысу на перстне «золотого человека» из кургана Иссык (рис. 2: 4) и на других памятниках Центральной Азии (Yatsenko 2013: fig. 5/1-2, 4). Ранее я считал, что в облике головы Гелиоса сарматы почитали Солнце (Хур); в «Гатах» Авесты оно также упоминается отдельно от Митры. В иконографии Гелиоса сираков явно привлекали именно лучи сияния вокруг головы, характерные затем и для нескольких важных персонажей устной алано-осетинской религиозной традиции — Сафы, Ацирухс / Агунды и др., и также — у парфянского Митры. Интересно, что у сарматов не выявлен популярный в Греции образ Гелиоса на колеснице. Впрочем, и в дальнейшей традиции алано-осетин на колеснице ездит лишь ужасный покровитель болезней (в поздней версии — только детских).

Сейчас я думаю, что в образе Гелиоса предстает прототип позднего осетинского *Уастырджи* — сближающегося с ранним образом Митры (покровитель договоров и воинов, порядка и связанных с ним благ, его солярные проявления и т.д.). Важно, что и в парфянском Иране того времени Митра также ассоциировался именно с Гелиосом (Strabo, XV, 3, 13), а не с Аполлоном. Дело в том, что позже уже полнофигурный мужской персонаж с таким сиянием представлен анфас рядом со Змееногой богиней в росписи упомянутого скального склепа 1 бывшего Неаполя Скифского рубежа II—III вв. н.э. Контекст его (погребальный склеп, Змееногая богиня, связанная с лошадьми и являющаяся прародительницей народа) вполне внятно соответствует ключевому сюжету с Дзерассой и Уастырджи в склепе с появлением в результате нартов (аланов) (Яценко 2022: 162—163, рис. 4/5-6; ср. Попова 1987: 141—142, рис. 1) (рис. 2: 5).

Ника

Этот образ в ранней Сарматии тоже представлен только на территории сираков и неоднократно, как на мужских, так и на женских атрибутах и всегда в греко-римском исполнении. Это упомянутый конский налобник из Дядьковской (рис. 3: 1—1а), фалар упряжи из кургана 4 у хутора Верхний (Ксенофонтова, Лопушнян, Нехаев 1987: 123, № 133) (рис. 3: 3) и золотая брошь из могилы 10 у хутора Песчаный (Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 18/1) (рис. 3: 2). Естественно, возникает вопрос: имеет ли параллели этот образ в алано-осетинской традиции? Да, и

[10] Здесь можно не учитывать ряд одноразово встреченные персонажи на периферии копируемых античных многофигурных композиций на фаларах парадной упряжи, вроде Гермеса в сцене с Афродитой Пандемос и Эротами на фаларе из Курчанской или побежденного «гиганта» на фаларе из Северской.

в первую очередь возникает ассоциация с таким важным персонажем, как «дочь Солнца» Ацырухс / Агунда: она тоже крылата (ее вариант — «крылатая девушка — Хуыцау Прекрасная Лань» в некоторых осетинских сказках: Сокаева 2026: 163); ее голова сияет. Характерно, что в Дядьковской у Ники прямо на голове помещена сияющая голова Гелиоса, а в Песчаном она держит факел: это тоже хорошо сочетается с солярной природой Ацирухс. Есть все основания считать богиню — прототип Ацирухс важным сарматским божеством, еще в конце II в. до н.э. — первой половине I в. н.э. изображавшейся в виде богини на троне с Древом (живым или сухим) сзади и подъезжающего справа всадника на ритоне из Мерджан, канфаре из Екатеринодара 1872 г. и на росписи в пантикапейском «склепе Анфенстерия» 30-х годов I в. н.э. (Яценко 2022: 148—151, рис. 2—3)[11]. Это древнее божество ираноязычных номадов представлено еще на рубеже IV—III вв. до н.э. на войлочном ковре в кургане 5 Пазырыка на севере Алтайской горной системы (рис. 4: 1).

Эрот

В среднесарматскую эпоху, как уже отмечалось, этот образ весьма популярен. Нередко Эроты при этом изображались парами или группами (диадемы из Хохлача и Мигулинской, чаша из Садового кургана) (рис. 11: 4—5). Однако в более раннее время мы наблюдаем иную картину. Эрот тогда не представлен один, но всегда с близкими ему женщинами — матерью Афродитой или супругой Психеей. Для его визуализации подбирались именно греко-римские артефакты. Обычно его фигура в разные периоды делалась из золота или золотилась. В раннее время он известен не только на Кубани, но и на границах Европейского Боспора, в степном Крыму. Это, во-первых, упоминавшийся медальон из впускной могилы в Курджипсе, где он восседает, держась за плечо Афродиты (рис. 11: 2). Во-вторых, на фаларе из станицы Курчанской пара Эротов парит над головой Афродиты Пандемос, поднимающейся на козле в небо (Десятчиков 1973: 78). Наконец, это золотой полихромный браслет из Ногайчинского кургана в Северном Крыму, где он представлен со Психеей (рис. 11: 1—1а). Спаренность образов Эрота и богини (включая и более позднюю нижнедонскую диадему из Хохлача, где с ним разместили голову Артемиды: Трейстер, 2021: рис. 4; 7) (рис. 11: 3—3а)), как и наличие нескольких Эротов вместе, думаю, объясняется отнюдь не только греческой мифологией (к которой сарматы вряд ли были наклонны, и которой трудно объяснить популярность образа Эрота / Эротов в сарматской среде). Дело в наличии очень любопытных аналогов в виде могущественных «детей» в свите богине, которые определяют смерть человека (кафирские братья Панеу) или его судьбу в загробном мире (осетины) (см. выше) (Яценко 2022: 149-150). У кафиров они имели золотые тела.

«Деметра»

Приведенный выше образ сарматской богини на троне с Древом и с подъезжающим справа всадником в его детализированных вариантах (ритон из Мерджан, роспись «склепа Анфестерия») показывает ее сидящей на роскошном троне с характерным оформлением верхних углов его спинки (рис. 4: 2, 4). Богиня сидит на этом троне анфас или полуанфас (как на канфаре из-под Екатеринодара / Краснодара). Эта основа иконографии (поза и форма трона) сидящей богини явно заимствована с изображений греческой Деметры[12]. На собственно сарматской территории эта ее ипостась также известна только на Кубани. Собственно греко-римские изображения Деметры при этом у сарматов не использовались.

---

[11] Вероятно, подобный всадник, приветствующий богиню, изображался и во II—III вв. н.э. Интересна в этом плане подвеска из Эрмитажа, купленная Императорской Археологической комиссией (рис. 4: 5). Здесь, как и на раннем ритоне из Мерджан, конь поднимает для преклонения левую ногу, и детально передана его упряжь, а всадник держит в правой руке сосуд (в данном случае — канфар). Он при оружии (коротком сарматском мече с кольцевым навершием и луком в налучье (у всадника в Мерджанах эта часть изображения, увы, обломана).

[12] Замечу, что ранние, микенские варианты изображений прото-Деметры (например — на золотых перстнях) подчас включают и Древо за ее спиной и несколько «слуг», как на сарматских.

Афродита

Ее изображения встречены лишь на Кубани около рубежа н.э., на небольших женских атрибутах, только в античном исполнении и с очень различной иконографией. Возникает впечатление, что такие изображения могли ассоциироваться с *разными* сармато-аланскими персонажами. Так, на фаларе из станицы Курчанской Афродита Пандемос верхом на козле поднимается в небо (у меня нет качественного фото этого фалара, и для аналогии я привожу пряжку сарматского типа, происходящую с Керченского полуострова: рис. 5: 3). Интерес к такой иконографии у сарматов понятен: в алано-осетинской традиции существовало представление, что души умерших разъезжают на козлах на Небесном лугу Курыс (Осетины 1967: 162; Яценко 2000: 256). На медальоне из впускного погребения в Курджипсе (рис. 5: 1) новых сарматских хозяев могло заинтересовать изображение богини вместе с ребенком-Эротом / Эротами (выше назывались аналогии в религии иранских народов). Что касается броши из кургана 3 у станицы Брюховецкой (рис. 5: 2), то изображение на ней могло привлечь номадов разве что образом человека с посохом / длинным жезлом.

«Дионис»

У сираков известен золотой нагрудный фалар упряжи из станицы Северской (рис. 6: 1), изготовленный «варварским» мастером. Здесь помещены две сцены: Дионис на пантере — эпизод его похода в Индию, и Афина, борящаяся с гигантом. В облике Диониса ряд деталей изменен в негреческом вкусе: у него «варварские» туфли с орнаментикой; на шее витая гривна; тирс беспомощно свисает вниз, напоминая скорее какое-то оружие. Это изображение можно было бы посчитать уникальным и случайным для сарматов, однако схема «Дионис на барсе» примерно с середины I в. н.э. получила неожиданное продолжение. Оно состоялось на периферии степного сарматского мира, далеко от ведущего тогда политического центра — Нижнего Дона. Человек и барс остались, но их облик изменился почти неузнаваемо, превратившись в сарматского Хозяина зверей — визуального отражения раннего фольклорого прототипа алано-осетинского Афсати на изделиях сарматского полихромного стиля (Яценко 2022: 161—162, рис. 9). Он изображался либо собственно верхом на барсе (Пороги) (рис. 6: 2), подобно греческому Дионису, либо седлающим его (Кочковатка) (рис. 6: 3)[13], причем в первом случае он держит за ноги пару грифонов. Не забудем, что алано-осетинский Афсати тоже представлялся всадником на диком животном (на олене) и «давал» охотникам добычу. Как уже отмечалось, позже, в среднесарматское время голова античного Диониса часто изображается на ручках металлических кувшинов-ойнохой, и такие сосуды получают у сарматской знати широкое распространение в низовьях Дона, на Кубани и на Украине.

«Борей»

На парных нагрудных фаларах упряжи второй половины II в. до н.э. из станицы Дьдьковской (Беспалый 2024: рис. 145—153) варварским мастером представлена необычная сцена, видимо — эпизод эпоса (рис. 7: 1). В нижней части фалара видим поединок двух всадников с копьями; кони поднялись на дыбы. Такая композиция уже встречалась неоднократно во II—I вв. до н.э.: на поясной пластине из Нижних Серогозов (Херсонская губерния) (рис. 7: 2) и на фаларах из кургана 1 в Кривой Луке IX в низовьях Волги (рис. 7: 3). В каждой из пар облик поединщиков одинаков. Однако по сравнению с двумя последними, в Дядьковской речь явно идет об аристократах: у них на головах подчеркнуты диадемы; это катафрактарии в ламеллярном доспехе и с длинными копьями, а не с короткими дротиками.

[13] Интересна в этом плане бронзовая амфора из среднесарматского погребения в кургане 14 у хутора Кудинов в низовьях Дона с предполагаемой персонификацией Африки или Египта, где женский персонаж держит у левой груди маленькую фигурку свернувшейся пантеры (Трейстер 2018: 16, 21; рис. 4: 6).

Шансы на победу у них, в сравнении с другими парами, тоже разные: правый успел воткнуть свое копье в бок коня противника[14]. Бой происходит в некой скалистой местности, которую в европейской Степи найти не всегда легко.

Однако самая интересная деталь нашей сцены — крылатый персонаж с длинной бородой. Он нависает над поединщиками, широко распластав свои огромные крылья и наблюдает или пытается разнять их. В греческом искусстве этот образ более всего соответствует богу северного ветра Борею (римскому Аквилону). Его местом ночлега греки считали именно близкие к сиракам ледяные вершины Кавказа; он был своеобразным хозяином северных (для эллинов) краев. Возникает вопрос: почему заказчик выбрал необычную для Сарматии (и тем более — для Ирана и Средней Азии) фигуру «Борея» как значимый элемент композиции, украшавшей его дорогого коня? В алано-осетинской религии еще недавно был весьма важен бог ветров *Галагон*. Как и греческий Борей, он насылал ураганы, метели и другие природные неприятности, и так же имел жилище в высокогорье Кавказа. Однако, кроме этого, он участвовал и в других важных событиях (например, после сотворения первого человека он помог оживить его (Таказов 2007: 10—11; 2015); см. у «скифов» в «Токсарисе» особое преклонение Ветру и Мечу (Luc. Tox., 38), причем Ветер, как и алано-осетинском фольклоре, назван «виновником жизни». Сейчас вполне ясно, что ни обычаи «скифов» в описании Лукиана, ни их локализация и контакты с «геродотовыми» скифами никак не связаны, и речь идет о сарматах-сираках Кубани в сообщении одной из боспорских хроник (см., например: Сапрыкин 2012: 200, 202; Яценко 2024: 134).

От Галагона во многом зависело и состояние сельхозугодий. Он может также делать роскошные дары, в том числе — жаловать богатое приданое (Сокаева 2026: 163). В Осетии, как известно, и сейчас есть его святилище в Дигорском ущелье, у селения Донифарс — Багайты дзуар. Это святилище связано и с почитанием священной белой змеи (Борей у греков иногда изображался со змеиными ногами). Проще говоря, Борей и Галагон — весьма сходные по функциям, локализации и отчасти облику персонажи.

Тритон

Эти морские божества с рыбьими хвостами изображены на зеркале из кургана Острый у станицы Ярославской (рис. 8: 3). Этот образ не уникален в сарматских комплексах. В среднесарматское время мы видим их в ценах доставки нереидами оружия Ахиллу на чашах из кургана Садовый в низовьях Дона. Действительно ли случаен такой сюжет с мужским божеством, имеющим тело с частично рыбьими чертами, у сарматов? Думаю, скорее нет. Дело в том, что в алано-осетинской традиционной религии особую роль играет морской бог Донбеттыр (после христианизации — «Водный св. Петр»), часто имеющий в текстах нартовского эпоса тело с рыбьими плавниками. Он был столь значим, что аланы и их потомки, более 1,5 тысяч лет отрезанные от морей, сохранили его яркий образ и ассоциированное с ним представление о морской стихии. С его подводным «семейством» связано само происхождение нартов / аланов, и нартовские герои в текстах эпоса запросто гостят или находят будущих жен на дне моря. В связи с этим интересно, что из нескольких групп скифов лишь у самых влиятельных скифов царских существовал культ морского бога (Тагимасада) (Herod., IV, 59).

«Афина»

Модифицированный образ ее, борющейся с гигантом, представлен на золотом фаларе из Северской (рис. 8: 1). Здесь особое внимание уделяется декору ее одежды и предметов вооружения. Однако более поздние ее изображения I—II вв. н.э. — сугубо античной работы: на золотой броши на той же Кубани, из кургана 32 у станицы Усть-Лабинской (рис. 8: 2), на нижнедонских бронзовых

[14] Поединок двух «равновеликих» всадников характерен как раз для «ранних сарматов», где всегда представлена именно начальная стадия столкновения. Типично и то, что правый персонаж при внимательном рассмотрении имеет некие преимущества (Яценко 2021: 185—187).

гире из хут. Холодный и статуэтке у г. Зерноград и др. Показательно, что оба разновременных сарматских комплекса с изображениями «Афины», найденные на Средней Кубани, демонстрируют сходный вариант ее иконографии: стоящей почти анфас, в шлеме с султаном и со щитом в правой руке (гиганта в Северской она побеждает одной левой). В связи с модификацией пантеона алано-осетин в окружении патриархальных обществ Кавказа и под влиянием христианства образ такой богини у них не сохранился. Можно думать, что типологически сходны с «Афиной» у воинственных сарматов (у которых документировано участие женщин в военных акциях) представления о воинских функциях могущественного индоиранского божества, главной богини кафиров Гиндукуша — Дизани (Яценко 2022: 146—147).

Горгона Медуза

На фаларах упряжи из кургана 4 у хутора Верхний представлена также голова Медузы (рис. 12: 2). Эта голова (в данном случае — с двумя приподнявшимися змеями надо лбом и еще двумя змеями, завязанными «узлом Геракла» у шеи) явно заимствована от непосредственных соседей—меотов, в искусстве которых она бытовала со скифской эпохи. Данный персонаж не получил популярности у сарматов, и позже в алано-осетинской традиционной религии не сохранилось змеевидных (хотя бы частично) существ с человеческим (женским) лицом. Однако он не случаен, как и популярность головы Горгоны у скифской знати, поскольку распространен у части народов иранского мира до сегодняшнего дня. Речь идет о древнем образе мудрой Царицы змей Шахмаран, обитающей в пещере и познакомившейся со смертным мужчиной (последнее сходно с рассказами о скифской Змееногой богине и об осетинской Дзерассе), хорошо известном, например, персам и курдам.

«Тихе»

Грубоватый образ еще одного женского божества, гравированного на рубеже н.э. на закладной плите укрепленной усадьбы Хрисалиска на Тамани и сопровождаемого сарматской тамгой хозяина, подписан «***Тихе*** Хрисалиска» (Сокольский 1975: рис. 4) (рис. 12: 1). Речь, однако, идет не о заимствовании хотя бы элементов иконографии, а лишь о частичном функциональном отождествлении. Облик персонажа по особенностям оформления фигуры и атрибутам (специфические скипетр и длинный жезл, миниатюрный сосудик — «круглотелый кубок», контур сияния вокруг головы) разительно отличается от обычного образа Тихе. Видимо, хозяин усадьбы, грек или полугрек, или же кто-то из его близких поклонялся этому божеству. Важно, что жезл сложной формы в руках богини соответствует тем, которые использовали аристократки кубанских сираков (такой железный образец с навершием из четырех полуфигур оленей, хорошо сохранился в погребении 10 в Песчаном: Яценко 2006: рис. 97). Из функций богини сарматов могла привлечь, прежде всего, ее связь с изобилием, удачей и судьбой, ассоциировавшихся у иранцев с важным понятием *фарна* — даваемой и отнимаемой свыше небесной благодати.

Другие регионы Сарматии

По сравнению с бассейном Кубани, в других частях Сарматии второй половины II в. до н.э. — начала I в. н.э. использование собственно античных изображений божеств и их варварских интерпретаций выглядит весьма скудным, но при этом своеобразным.

«Аполлон с вороном»

Особый случай — фалар из клада в Янчокраке 1906 г. (Северо-Западное Приазовье), где варварским мастером переосмыслена редкая греческая композиция с Аполлоном в венке, держащим в правой руке фиалу, с подлетающей к левому плечу птицей — вороном (Яценко 2000: 261) (рис. 9: 1—1а). Костюм здесь уже отнюдь не греческий (кроме многовитковой сарматской гривны, он включает вышивку у пройм рукавов и простеганый стан), а клюв ворона превратился в орлиный. Как и Гелиос с сияющей головой, этот персонаж мог ассоциироваться с аналогом раннего Митры — прототипом алано-осетинского Уастырджи (который тоже крылат). Фиала же превратилась в солярную розетку, которую бог демонстрирует, приподняв правую руку. Последнее вполне понятно: в алано-осетинской традиции орел — самая важная и часто упоминаемая из птиц, а ворон практически оставлен без внимания (ср. Дарчиева 2020: 53—55). Несколько неожиданную версию иконографии этого персонажа, похоже, дает нам в это время далекая, контактная с сарматами гороховская культура лесостепи Южного Урала, где элита, как считается, была выходцами из сарматской среды. Здесь известна серия медных плоскостных вотивных, небрежно отлитых фигурок для приношений в святилища. При этом у персонажей группы «В» из Сапоговского клада (рис. 9: 2) и у деревни Карино (рис. 9: 3—3а) мы также видим схематичную фигуру птицы, сидящей на левом плече. Ее силуэт на прототипах таких фигурок в предшествовавшей иткульской культуре явно ближе к орлиному (рис. 9: 4) (Яценко 2025: 209—211, рис. 2—3).

«Силен»

Его образ распространен в сарматском мире позже, в I—III вв. н.э. (см. самый поздний образец его головы на мече из южноуральской Лебедевки: рис. 10: 3). Похоже, в нем сарматов привлекал полузвериный облик лесного демона, в том числе — *звериные уши*: черты животного (например, рога оленя) имел у осетин и покровитель диких животных (а когда-то, видимо, и домашних) *Афсати* (Яценко 2022: 160—161, рис. 9). Однако на самых ранних изображениях в конце раннесарматской эпохи мы видим его еще без сопровождающих животных, где подчеркнуты только уши копытного, на тогдашних дальних и малозаселенных окраинах сарматского мира. Его личина размещена в центре каменной стелы — мини-святилища, найденной в середине XIX в. у Кривого Рога (рис. 10: 1). Из множества окружавших личину разновременных сарматских темг из разных регионов Степи, самые ранние бытовали около рубежа н.э. (Яценко, Шевченко, Усенко 2022: 293—294, рис. 11). Серьга с изображением полной фигурки этого «ушастого» божества найдена в кургане 8 группы 37 на трассе несостоявшегося канала Волга—Чограй в Калмыкии (рис. 10: 2). Здесь бог сидит в специфической позе на коленях, руки в бока. Думаю, с покровителем животных мог ассоциироваться и египетский бог Бэс, чьи изображения в I—III вв. н.э. очень редки в сарматской Степи (рис. 12: 3).

Об образах ***Эрота*** на золотых браслетах из крымского Ногайчина уже говорилось.

Заключение

В изучаемое время кубанские сарматы-сираки и, видимо, аспургиане с большим отрывом стали лидерами среди сарматских группировок по визуальному воплощению описываемых устно образов божеств (10 персонажей). У них, прежде всего, использовались греко-римские изображения *Гелиоса, Ники, Афродиты с Эротом, в единичных - Тритона и головы Горгоны*. Изначально «варварскому» переосмыслению подверглись образы *Деметры* на троне, *Афины*, побеждающей врага-титана, *Диониса* на барсе и парящего *Борея*. В целом для Северного Причерноморья II—I вв. до н.э. «варварское» переосмысление античной иконографии характерно для аксессуаров мужской субкультуры воинской элиты (нагрудные фалары упряжи

в Северской, Янчокраке, Балаклее, парадные сосуды из Мерджан и округи Екатеринодара), и лишь в одном случае отмечено для женской (серьги с канала Волга-Чограй).

Все эти персонажи имеют аналоги либо среди божеств алано-осетинской традиции, либо (если таковые не дожили до этнографических записей XIX в. или исчезли под влиянием восточного христианства и ислама) в традиции других иранских / индоиранских народов. Индоевропейская исходная общность эллинов и иранских этносов если и могла при этом сказываться, то в очень небольшой степени.

Итак, я склонен считать, что поступление к сарматам середины II в. до н.э. — начала I в. н.э. (включая роксоланов Северного Приазовья) изделий с внятно читаемыми изображениями греко-римских божеств было почти всегда не хаотическим и случайным, а основанном на выборе принимающей стороны. Подчас достаточно было даже их голов (Горгона, Силен). Использование иконографии греческих божеств было связано, с важными собственными персонажами, отвечавшими за плодородие (ранний прототип алано-осетинской Ацирухс с элементами образа Деметры на троне), разные стороны жизни природы и разные ее стихии (Дионис на барсе и голова Силена с ушами копытного как частичные аналоги хозяина животных Афсати; Борей как аналог бога ветров Галагона; Тритон как одно из возможных воплощений морского Донбеттыра). Алано-осетинской традиции отчасти соответствовал и образ Афродиты, путешествующей на козле, хотя он относился не к божествам, а к духам умерших на небесном лугу Курыс. Общее число близкий соответствий, с точки зрения самых сарматов, видимо, было невелико, что отражается и в небольшом числе таких находок.

Литература

Анфимов Н.В. 1987. *Древнее золото Кубани*. Краснодар: Краснодарское книжное издательство.

Безуглов С.И., Глебов В.П., Парусимов И.Н. 2009. *Позднесарматские погребения в устье Дона (курганный могильник Валовый I)*. Ростов-на-Дону: Медиа-Полис.

Бельтинг Х. 2005. Антропология образа. *Искусствознание* 1, 72—87.

Беспалый Г.Е. 2024. *Погребение второй половины II в. до н.э. близ станицы Дядьковской*. Ростов-на-Дону: ГАУК РО «Донское наследие».

Граков Б.Н. 1950. Скифский Геракл. *КСИИМК* XXXIV, 7—18.

Дарчиева М.В. 2020. Орнитоморфная символика в «осетинских кадагах о нартах». *Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия Эпосоведение* 4, 50—61.

Десятчиков Ю.М. 1973. Сарматы на Таманском полукострове. *СА* 4, 69—80.

Завойкин А.А. 2023. Аспургиане: 500 стадиев между Фанагорией и Горгиппией. *Древнейшие государства Восточной Европы* 2023. Москва: ГУГН-Пресс, 272—305.

Засецкая И.П. 2011. *Сокровища кургана Хохлач. Новочеркасский клад*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Калоев Б.А. (ред.), 1967. *Осетины глазами русских и иностранных путешественников*. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство.

Ксенофонтова И.В., Лопушнян В.Л., Нехаев А.А. (сост.). 1987. *Шедевры древнего искусства Кубани. Каталог выставки*. Москва: Министерство культуры СССР.

Липец Р.С. 1984. *Образ батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе*. Москва: Наука.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Скрипкин А.С. 1999. Погребение сарматской знати с Есауловского Аксая. *НАВ* 2, 149—167.

Попова Е.А. 1987. Роспись склепа № 1 некрополя позднескифской столицы. *ВДИ* 2 139—151.

Раев Б.А. 2019. Эрот и Психея на медальонах чаш из Садового кургана: новые данные. *НАВ* 18/2, 75—85.

Раевский Д.С. 1980. Эллинские боги в Скифии? (к семантической характеристике греко-скифского искусства). *ВДИ* 2, 49—71.

Раевский Д.С. 2006. *Мир скифской культуры*. Москва: Языки славянских культур.

Сапрыкин С.Ю. 2012. Боспорские сюжеты в диалоге Лукиана «Токсарид». *Аристей* V, 185—209.

Симоненко А.В., Лобай Б.И. 1991. *Сарматы Северо-Западного Причерноморья в I в. н.э. (погребения знати у с. Пороги)*. Киев: Наукова думка.

Сокаева Д.В., 2026. Пространственный мифологизм осетинской сказки: «Донбеттыры чизджи рœсугъд хъуазы аргъау» (дочь Донбеттыра прекрасная лань). *Известия СОИГСИ* 59, 155—167.

Сокольский Н.И. 1975. Крепость аспургиан на Боспоре. *КСИА* 143, 21—30.

Таказов Ф.М. 2007 (ред.). *Царциаты таурæгътæ: ирон адæмы эпос (Легенды о Царциата: эпос осетинского народа*). Владикавказ: Дзæуджыхъæу.

Таказов Ф.М. 2015. Модель мира в эпических сказаниях осетин о царциатах. *Современные проблемы науки и образования* 2/2, 277.

Трейстер М.Ю. 2018. Персонификация Африки на атташе ручек амфоры из Нижнего Подонья (о римских бронзовых амфорах в Сарматии). *ПИФК* 3, 10—29.

Трейстер М.Ю. 2021. Диадема из кургана Хохлач. Размышления о центре изготовления. *ДБ* 26, 381—410.

Яценко С.А. 1996. О переосмыслении некоторых образов античного искусства сармато-аланами (сер. I — сер. III вв. н.э.). В: Раев Б.А. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир (Тезисы докладов V археологического семинара*). Новочеркасск: Музей истории донского казачества, 19—20.

Яценко С.А. 2000. Антропоморфные образы в искусстве ираноязычных народов Сарматии II—I вв. до н.э. *Stratum plus* 4, 251—272.

Яценко С.А. 2014. Региональные особенности сюжетов и бытовых реалий в монументальных поминально-погребальных памятниках Малой Скифии I—III вв. н.э. *МАИАСП* 6, 40—63.

Яценко С.А. 2021. Вероятные герои эпоса скифов на фоне древних иранских и иранизированных обществ Степи. *Новый Гермес* XIII/4, 176—212.

Яценко С.А. 2022. Боги сарматов. *МАИАСП* S1, 143—186.

Яценко С.А. 2023. Визуальный образ у кочевников античной эпохи (Раздел III.1). В: Захарченко И.Н., Щедрина О.М. (ред.). *Визуальный образ и его медиум: культурные контексты и интерпретации*. Москва: Издательский центр РГГУ, 149—161.

Яценко С.А. 2024. «Скифы» Лукиана: этнос и эпоха. В: Кашуба М.Т., Медведева М.В., Стоянов Е.О. (ред). *Древности Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии: от открытий Н.И. Веселовского к современной науке: Материалы международной научной конференции*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 133—135.

Яценко С.А. 2025. Некоторые сюжеты вотивных медных фигурок гороховской культуры: контакты с сарматским миром. *Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»,* 4, 202—217.

Яценко С.А. 2026а. Царские тамги / нишан Боспора. *Из истории культуры народов Северного Кавказа* 19—20, 323—353.

Яценко С.А. 2026б. О сюжетах раннеаланского искусства Северного Кавказа III—IV вв. н.э. В: Воронятов С.В. (ред.). *Игра в бисер*. Санкт-Петербург (в печати).

Яценко С.А., Шевченко Е.Б., Усенко В.П. 2022. О серии каменных плит с сарматскими тамгами из Одесского археологического музея. *Stratum plus* 6, 277—312.

Simonenko A.V., Marčenko I.I., Limberis N.Yu. 2008. *Römische importes in Sarmatischen und Maiotishen grabern zwichhen untere Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.

share.google: 1: Сокровища правителя Ольвии царя Инисмея представлены на выставке. URL: https://share.google/yFFXx3j75d7cnms61 (дата обращения 11.05.2026).

share.google: 2: Сарматские божества, рельефы на фаларах. ГИМ | Паблико. URL: https://share.google/DmVKRpK7qNiBn3vSr (дата обращения 11.05.2026).

share.google: 3: Золотые браслеты, гривна и серьги из Ногайчинского кургана. URL: https://share.google/RJorPUfg26QDNpkrl (дата обращения 11.05.2026).

Yatsenko S.A., 2013. Tattoo System in the Ancient Iranian World. In: Della Casa P., Witt C. (eds.). *Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in the Hague and Oslo*, 2010/11. Zurich: Freiburger Graphische Betriebe, 97—101 (Zurich Studies in Archaeology 9).

Yatsenko S.A., Kaverin S.I. 2023. Traditional Costume of the Eastern Hindukush Area: Some Problems of Its Origin and Modification. In: Cacopardo A.M., Cacopardo A.S. (eds.). *Roots of Peristan. The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference*. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5-7 October 2022. Pt. II. Rome: ISMEO, 875—901.

References

Anfimov, N.V. 1987. *Drevnee zoloto Kubani (The Ancient Gold of Kuban*). Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo (in Russian)

Bezuglov, S.I., Glebov, V.P., Parusimov, I.N., 2009. *Pozdnesarmatskie pogrebeniia v ustie Dona (kurgannyi mogil'nik Valovi I) (The Late Sarmatian Burials at the Mouth of Don (Valovy I Barrow Necropolis)*. Rostov-on-Don: Media-Polis (in Russian).

Belting, H. 2005. In *Iskusstvoznanie (Art history)* 1, 72—87 (in Russian).
Baspalyi, G.E. 2024. *Pograbenie vtoroi poloviny II v. do n.e. bliz stanitsy Diadkovskoi)* (*Burial from the second half of the 2nd c. BCE near Diadkovskaya stanitsa*). Rostov-on-Don: Donskoe nasledie (in Russian).
Grakov, B.N. 1950. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Communications of the Institute for the History of Material Culture)* XXXIV, 7—18 (in Russian).
Darchieva, M.V. 2020. In *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo univeristita. Seriia Eposovedenie (Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: Epic Studies)* 4, 50—61 (in Russian).
Desiatchikiv, Yu.M. 1973. In *Sovetskaia arkheologiya (Soviet Archaeology)* 4, 69—80 (in Russian).
Zavoikin, A.A. 2023. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy (Ancient Eastern European countries)* 2023, 272—305 (in Russian).Kaloev, B.A. (ed.). 1967. *Osetiny glazami russkikh i inostrannykh puteshestvennikov (Ossetians through the Eyes of Russian and Foreign Travelers*). Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatelstvo (in Russian).
Zasetskaia, I.P. 2011. *Sokrovishcha kurgana Khokhlach. Novocherkasskii klad (Treasures of Khokhlach Barrow. The Novocherkassk Treasure*). Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha (in Russian).
Ksenifontova, I.V., Lopushnian, V.L., Nekhaev, A.A. (eds.). 1987. *Shedevry drevnego iskusstv Kubani. Katalog vystavki (Masterpieces of Ancient Kuban Art. Exhibition Catalogue*). Moscow: Ministerstvo kul'tury SSSR (in Russian).
Lipets, R.S., 1984. *Obraz batyra i ego konya v tiurko-mongol'skom epose (The Image of a Batyr and his Horse in the Turkic-Mongol Epic*). Moscow: Nauka (in Russian).
Myskov, E.P., Kiiashko, A.V., Skripkin, A.S. 1999. In *Nizhnevolzhskii arkheologichaskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 2, 149—167 (in Russian).
Popova, E.A. 1987. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 139—151 (in Russian).
Raev, B.A., 2019. In *Nizhnevolzhskii arkheologichaskii vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 18/2, 75—85 (in Russian).
Raevskii, D.S. 1980. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 2, 49—71 (in Russian).
Raevskii, D.S. 2006. *Mir skifskoi kul'tury (World of the Scythian Culture*). Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur (in Russian).
Saprykin, S.Yu. 2012. In *Aristey (Aristeas)* V, 185—209 (in Russian).
Simonenko, A.V., Lobai, B.I. 1991. *Sarmaty Severo-Zapadnogo Prichernomoria v I v. n.e.(pogrebeniia znati u s. Porogi)(Sarmatians of the Norht-Wastern Black Sea Region (the Nobles Graves near Porogi Village)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
Sokaeva, D.V. 2026. In *Izvestiia Severoosetinskogo Instituta gumanitarnykh i social'nykh issledovaniy (News of the North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research)* 59, 155—167 (in Russian).
Sokolskii, N.I. 1975. In *Kratkie soobshcheniia Instituta Archaeologii Academii nauk SSSR (Brief communications from the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences)* 143, 21—30 (in Russian).
Takazov, F.M. 2007. (ed.). T*sarziata taurægætæ: iron adæmy epos (Legends of Tsarziata: the Epic of the Ossetian People)*. Vladikavkaz (in Ossetian).
Takazov, F.M. 2015. In *Sovremennye problem nauki i obrazovaniia (Modern problems of science and education)* 2/2, 277 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2018. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of history, philology, culture)* 3, 10—29 (in Russian).
Treister, M.Yu. 2021. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 26, 381—410 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 1996. In: Raev, B.A. (ed.). *Antichnaia tsivilizatsiia i varvarskii mir (Tezisy dokladov V arkheologicheskogo seminara) (The Civilization of Antiquity and the Barbarian World (Abstracts of the 5th Archaeological Seminar*)). Novocherkassk: Muzei istorii donskogo kazachestva, 19—20 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2000. In *Stratum plus* 4, 251—272 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2006. *Kostium drevnei Evrazii (iranoiazychnye narody) (Costume of the Ancient Eurasia (the Iranian-Speaking Peoples))*. Moscow: Vostochnaia literatura (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2021. In *Novyi Germes (New Hermes)* XIII/4, 176—212 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2022. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* S1, 143—186 (in Russian).
Yatsenko, S.A. 2023. In: Zakharchenko, I.N., Shchedrina, O.M. (eds.). 2023. *Vizual'nyi obraz I ego medium: kul'turnye konteksty i interpretatsii (Visual image and its medium: cultural contexts and interpretations)*. Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 149—161 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2024. In: Kashuba, M.T., Medvedeva, M.V., Stoianov, E.O. (eds.). 2024. *Drevnosti Severnogo Prichernomoria, Kavkaza i Srednei Azii: ot otkrytii N.I. Veselovskogo k sovremennoi nauke (Antiquities of the Northern Black Sea Region, the Caucasus, and Central Asia: from the Discoveries of N.I. Veselovsky to Modern Science)*. Saint Petersburg: Institut istorii material'noi kul'tury RAN, 133—135 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2025. In *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo univesiteta. Seriia "Filosofiia. Sociologiia. Iskusstvovedenie" (Bulletin of the Russian State Humanitarian University. Series: Philosophy. Sociology. Art Criticism)* 4, 202—217 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2026a. In *Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza (From the history of the culture of the peoples of the North Caucasus)* 19—20, 323—353 (in Russian).

Yatsenko, S.A. 2026b. In: Voroniatov, S.V. (ed.). 2026. *Igra v biser (Game of Biser*). Saint Petersburg (in process) (in Russian).

Yatsenko, S.A., Shevchenko, E.B., Usenko, V.P. 2022. In *Stratum plus* 6, 277—312 (in Russian).

Simonenko, A.V., Marčenko, I.I., Limberis, N.Yu. 2008. *Römische importes in Sarmatischen und Maiotishen grabern zwichhen untere Donau und Kuban*. Mainz: Philipp von Zabern.

share.google: 1: The treasures of the ruler of Olbia, King Inismei, are on display at an exhibition. Available at: https://share.google/yFFXx3j75d7cnms61 (accessed 11.05.2026).

share.google: 2: Sarmatian deities, reliefs on phalerae. State Historical Museum | Publico. Available at: https://share.google/DmVKRpK7qNiBn3vSr (accessed 11.05.2026).

share.google: 3: Gold bracelets, a hryvnia, and earrings from the Nogaichin burial mound. Available at: https://share.google/RJorPUfg26QDNpkrl (accessed 11.05.2026).

Yatsenko, S.A. 2013. Tattoo System in the Ancient Iranian World. In: Della Casa, P., Witt, C. (eds.). *Tattoos and Body Modifications in Antiquity. Proceedings of the sessions at the EAA annual meetings in the Hague and Oslo*, 2010/11. Zurich: Freiburger Graphische Betriebe, 97—101 (Zurich Studies in Archaeology 9).

Yatsenko, S.A., Kaverin, S.I. 2023. Traditional Costume of the Eastern Hindukush Area: Some Problems of Its Origin and Modification. In: Cacopardo, A.M., Cacopardo, A.S. (eds.). *Roots of Peristan. The Pre-Islamic Cultures of the Hindukush / Karakorum. Proceedings of the International Interdisciplinary Conference*. ISMEO, Rome, Palazzo Baleani, 5-7 October 2022. Pt. II. Rome: ISMEO, 875—901.

Рис. 1. Геммы на нагрудном фаларе из кургана Дачи (по Трейстер 2011: рис. 10).

Fig. 1. Gemstones on a pectoral phalerae of horse harness from Dachi barrow (after Treister 2011: Fig. 10).

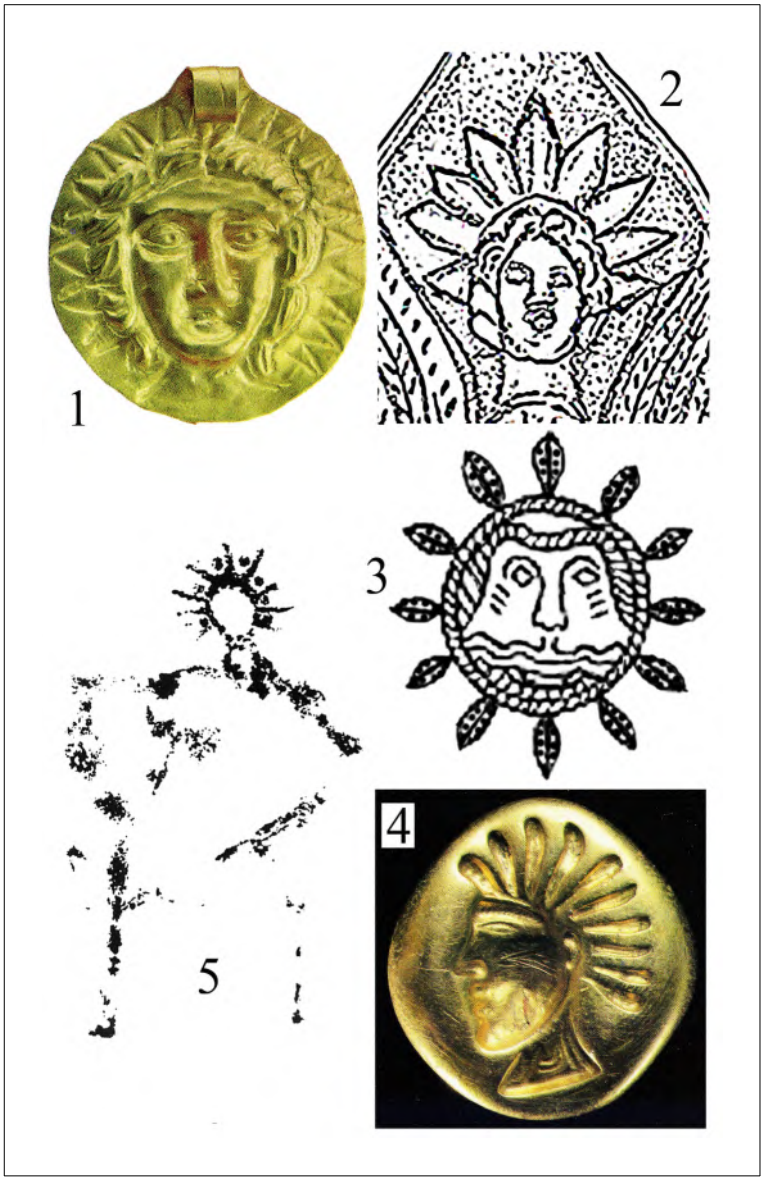

Рис. 2. Гелиос и его аналоги у ираноязычных народов: *1* — медальон, хутор Элитный; *2* — конский налобник, Дядьковская (Беспалый 2024: илл. 200—201); *3* — фалар, Балаклея; *4* — Неаполь Скифский, склеп 1, живопись; *5* — перстень, курган Иссык (1, 3—5 — по Яценко 2020: рис. 4).

Fig. 2. Helios and his analogues among the Iranian-speaking peoples: *1* — medallion, Elitnyi farmstead; *2* — horse forehead band, Dyadkovskaya (after Bespaly 2024: ill. 200—201); *3* — phalarus, Balakleya; *4* — Scythian Naples, crypt 1, painting; *5* — ring, Issyk barrow (1, 3—5 — after Yatsenko 2020: fig. 4).

Рис. 3. Изображения Ники: *1—1а* — конский налобник, Дядьковская (по Беспалый 2024: илл. 200—201); *2* — брошь, Песчаный (по Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 18/1); *3* — фалар, хутор Верхний (по Ксенофонтова, Лопушнян, Нехаев 1987: № 133).

Fig. 3. Images of Nike: *1—1a* — horse forehead, Dyadkovskaya (after Bespaly 2024: ill. 200—201); *2* — brooch, Paschanyi (after Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 18/1); *3* — phalea of horse harness, Verkhniy farmstead (after Ksenofontova, Lopushnyan, Nekhaev 1987: No. 133).

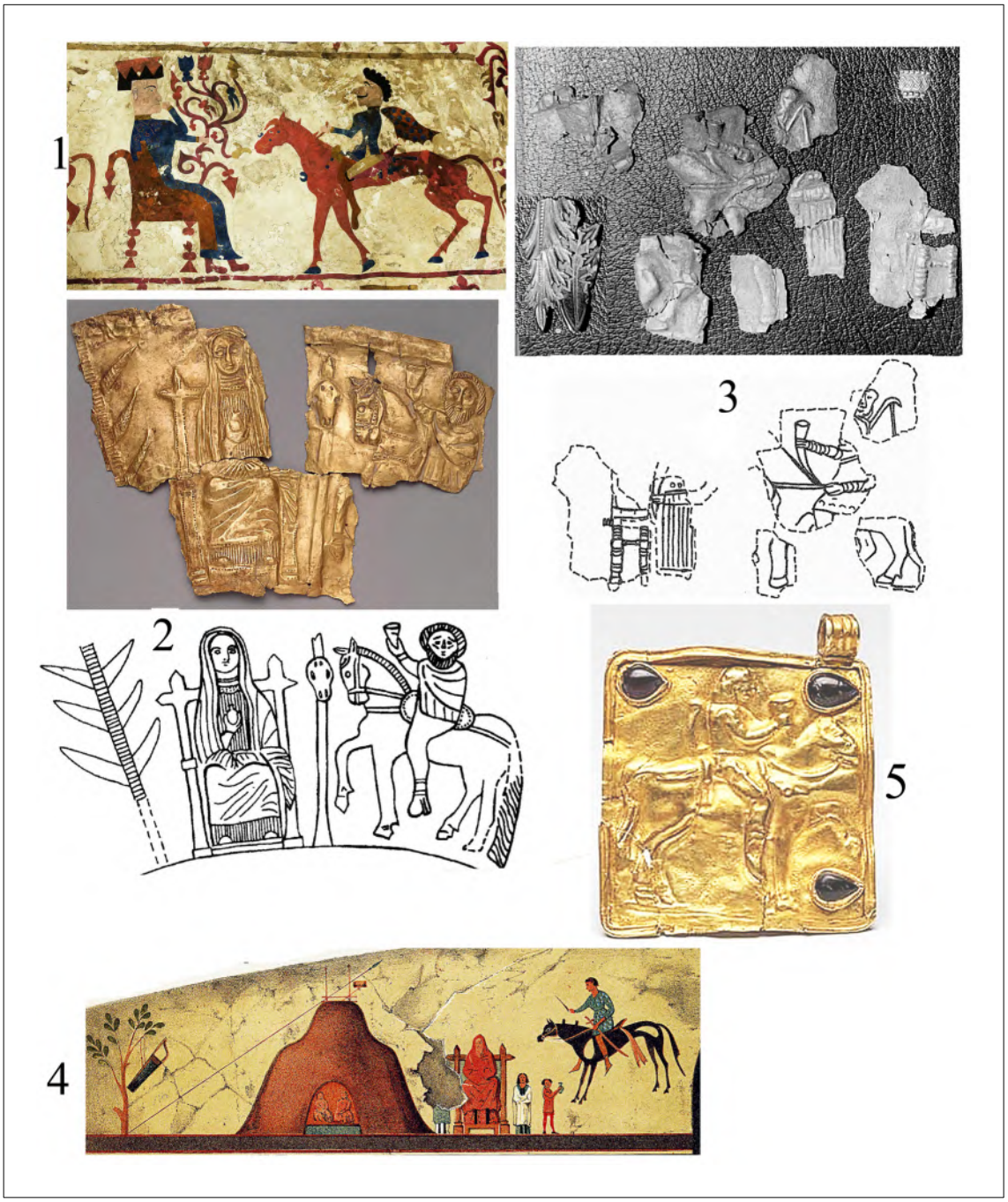

Рис. 4. Богиня на троне с чертами иконографии Деметры, всадник справа и Древо: *1* — ковер, Пазырык; *2* — ритон, Мерджаны; *3* — ритон, Екатеринодар; *4* — стенная живопись, «склеп Афестерия», Керчь; *5* — подвеска, покупка Императорской Археологической комиссии (любезность С.В. Воронятова). 1—4 — (по Яценко 2022: рис. 3).

Fig. 4. Enthroned goddess with features of Demeter iconography, horseman on the right and Tree: *1* — carpet, Pazyryk; *2* — rhyton, Merjany; *3* — rhyton, Ekaterinodar; *4* — wall painting, “Anthesterius crypt”, Kerch; *5* — pendant, purchased by the Imperial Archaeological Commission (courtesy of S.V. Voronyatov). 1—4 — (after Yatsenko 2022: fig. 3).

Рис. 5. Афродита: *1* — медальон, Курджипис (по Анфимов 1987: 212); *2* — брошь, Брюховецкая (по Анфимов 1987: 210); *3* — пряжка, Европейский Боспор (Государственный Эрмитаж).

Fig. 5. Aphrodite: *1* — medallion, Kurdzhipis (after Anfimov 1987: 212); *2* — brooch, Bryukhovetskaya (after Anfimov 1987: 210); *3* — buckle, European Bosporus (State Hermitage).

Рис. 6. Варварские модификации «Диониса на барсе»: *1* — фалар, Северская (по Анфимов 1987: 176); *2* — пряжка, Пороги (по share.google: 1); *3* — пряжка, Кочковатка (фото автора).

Fig. 6. Barbaric modifications of “Dionysus on a leopard”: *1* — phalar, Severskaya (after Anfimov 1987: 176); *2* — buckle, Thresholds (after share.google: 1); *3* — buckle, Kochkovatka (photo by the author).

Рис. 7. «Борей» и поединок двух всадников: *1* — фалар, Дядьковская (по Беспалый 2024: рис. 135; 146); *2* — пряжка Нижние Серогозы; *3* — фалар, Кривая Лука IX (по Яценко 2021: рис. 2: 4—5).

Fig. 7. “Borey” and a duel between two horsemen: 1 — phalarus, Dyadkovskaya (after Bespaly 2024: fig. 135; 146); 2 — buckle, Nizhnie Serogozy; 3 —phalarus, Krivaya Luka IX (after Yatsenko 2021: fig. 2: 4—5).

Рис. 8. Афина (*1—2*) **и Тритон** (*3*) **на изображениях низовьев Кубани:** *1* — фалар, Северская (по Анфимов 1987: 176); *2* — брошь, Усть-Лабинская, курган 32; *3* — зеркало, Ярославская, курган 3 (по Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 2: 5, 83: 8).

Fig. 8. Athena (*1—2*) **and Triton** (*3*) **on images from the lower reaches of the Kuban:** *1* — phalarus, Severskaya (after Anfimov 1987: 176); *2* — brooch, Ust-Labinskaya, burial mound 32; *3* — mirror, Yaroslavskaya, burial mound 3 (after Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 2: 5, 83: 8).

Рис. 9. «Варварская» переработка сцены с Аполлоном и вороном: *1* — фалар, Янчокрак (по Засецкая 2011: рис. 43); *1а* — по share.google: 2; *2* — бронзовая фигурка, клад у деревни Сапогова (фото автора); *3—3а* — бронзовая фигурка, клад у деревни Карино (фото О.Г. Ивановой, любезность К.Г. Маргарян); *4* — бронзовая фигурка, клад у дер. Аминева (фото В.И. Юрина).

Fig. 9. “Barbarian” reworking of the scene with Apollo and the raven: *1* — phalarus, Yanchokrak (after Zasetskaya 2011: fig. 43); *1a* — after share.google: 2; *2* — bronze figurine, treasure near the village of Sapogova (photo by the author); *3—3a* — bronze figurine, treasure near the village of Karino (photo by O.G. Ivanova, courtesy of K.G. Margaryan); *4* — bronze figurine, treasure near Amineva Village (photo by V.I. Yurin).

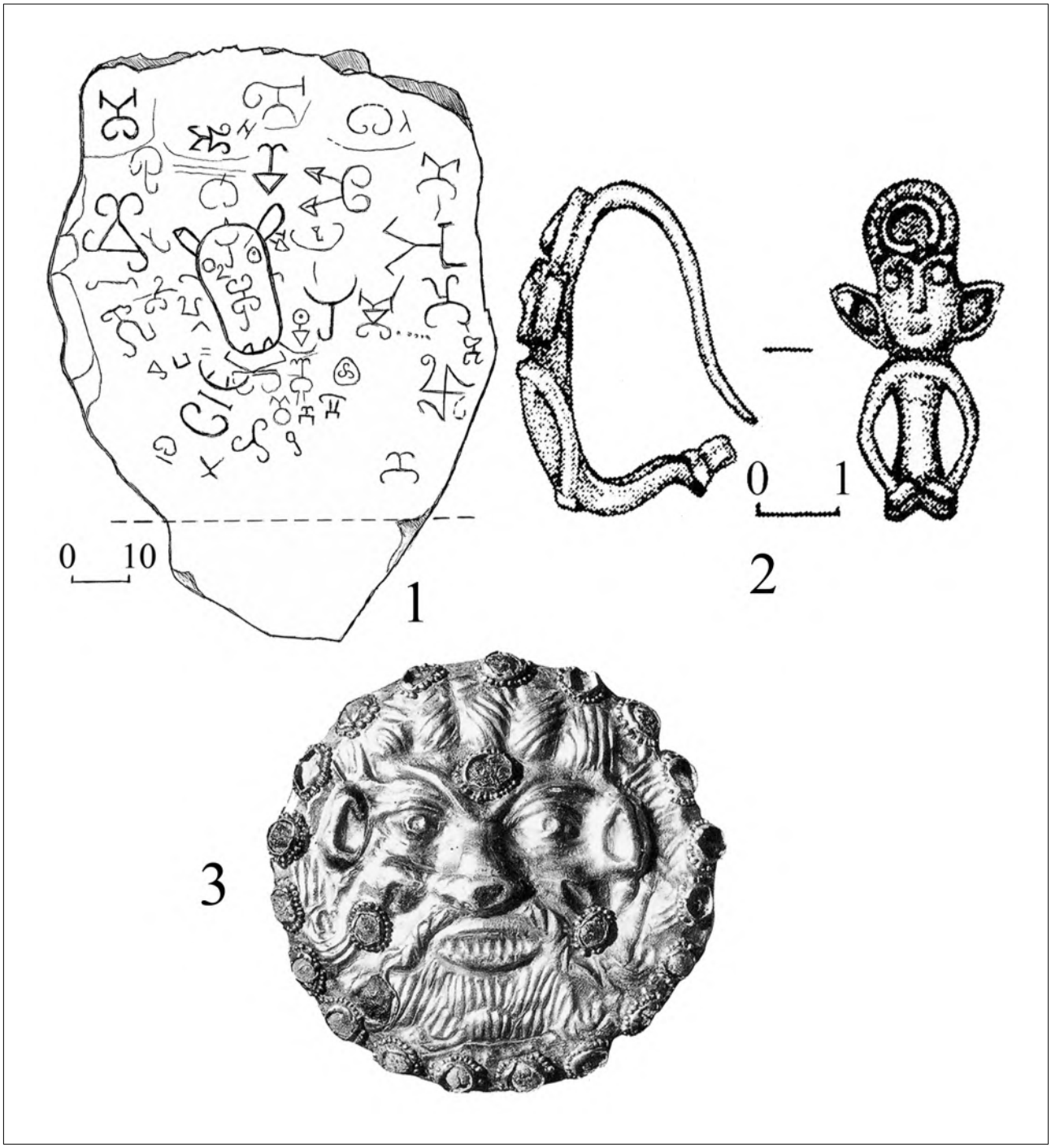

Рис. 10. «Голова Силена»: *1* — стела из г. Кривой Рог; *2* — серьга, канал Волга-Чограй; *3* — навершие меча, Лебедевка (по Яценко 2022: рис. 9: 3, 7—8).

Fig. 10. “Head of Silenus”: *1* — stele from Krivoy Rog; *2* — earring, Volga-Chograi canal; *3* — sword pommel, Lebedevka (after Yatsenko 2022: fig. 9: 3, 7—8).

Рис. 11. Изображения Эрота в группе: *1—1а* — браслет, Ногайчинский курган (1 — по share.google: 3; 1а — по Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 93: 1); *2* — медальон Курджиписа (по Анфимов 1987: 212); *3* — диадема, Хохлач (по Трейстер 2021: рис. 4, 7); *4—5* — чаши, курган Садовый (Раев 2018).

Fig. 11. Images of Eros in the group: *1—1a* — bracelet, Nogaichinsky barrow (1 — after share.google: 3; 1a — after Simonenko, Marčenko, Limberis 2008: Taf. 93: 1); *2* — medallion, Kurdzhipis (after Anfimov 1987: 212); *3* — diadem, Khokhlach (after Treister 2021: fig. 4, 7); *4—5* — bowls, Sadovy burial mound (after Raev 2018).

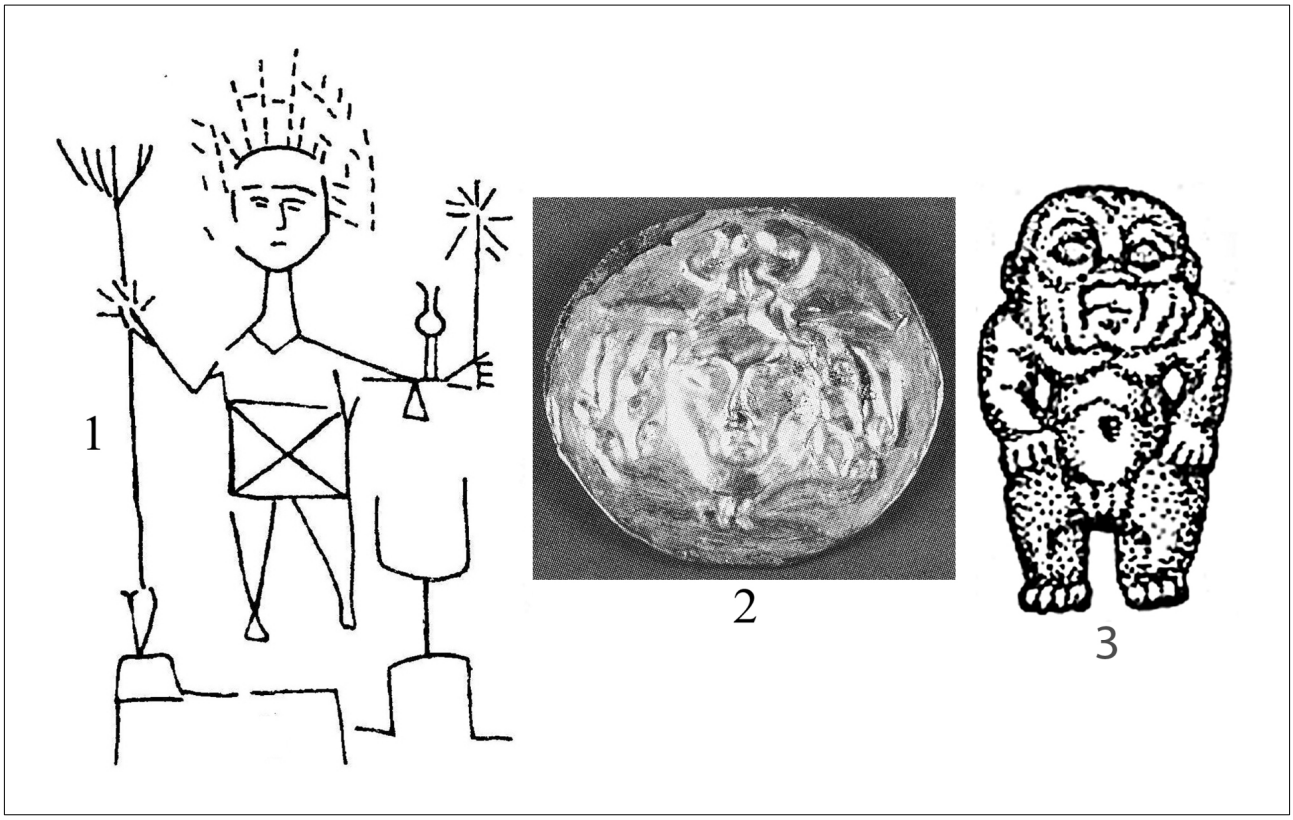

Рис. 12. Единичные образы: *1* — вотивная плита «Тихе Хрисалиска», станица Ахтанизовская (по Яценко 2022: рис. 2: 2); *2* — аппликация, голова Медузы, хутор Верхний, курган 4 (по Ксенофонтова, Лопушнян, Нехаев 1987: № 132); *3* — фигурка Бэса, Усть-Лабинская, курган 32 (по Яценко 2022: рис. 11: 2); *4—5* — чаши, курган Садовый (по Раев 2018).

Fig. 12. Single images: *1* — votive slab “Tikhe of Chrysaliskos”, Akhtanizovskaya village (after Yatsenko 2022: fig. 2: 2); *2* — appliquation, head of Medusa, Verkhniy farmstead, barrow 4 (after Ksenofontova, Lopushnyan, Nekhaev 1987: No. 132); *3* — figurine of Bes, Ust-Labinskaya, burial mound 32 (after Yatsenko 2022: fig. 11: 2); *4—5* — bowls, Sadovyi burial mound (after Raev 2018).